

МЭРИ

Утренний туман окрашивает все вокруг в белый цвет. Прямо как в том сне, когда я засыпаю в облаке, будто бы застряв в кроличьей норе, и не могу проснуться.

Но вот, как по сигналу сирены, мгла расступается, превращаясь в тонкое кружево, и я вижу остров Джар Айленд, расстилающийся за горизонтом, точь-в-точь как на картинах тети Бэtt.

И лишь в этот миг я осознаю, что действительно вернулась.

Один из работников порта толстой веревкой привязывает паром к причалу. Другой опускает мостик. Из громкоговорителя раздается голос капитана: «Доброе утро, уважаемые пассажиры! Добро пожаловать на Джар Айленд! Пожалуйста, не забывайте свои вещи».

Я почти забыла, как здесь красиво. Солнце уже поднялось над водой и озаряет все ярким желтоватым светом. В оконном стекле я вижу свое расплывчатое отражение: бледные глаза, приоткрытые губы, спутанные ветром светлые волосы. Я уже не

та девочка, что уехала отсюда в седьмом классе. Разумеется, я стала старше, но дело не только в этом. Я изменилась. Глядя на себя, я вижу сильную личность и, возможно, красивую девушку.

Интересно, он меня узнаёт? Часть меня надеется, что нет. Но другая, та, что оставила родителей и вернулась сюда, хочет, чтобы узнал. Должен узнать. А иначе в чем смысл?

С грузовой палубы доносится грохот двигателей заводящихся автомобилей, готовых въехать на остров. На берегу их еще больше: они выстроились в длинную очередь, растянувшуюся до самой парковки, и готовятся заехать на борт, чтобы вернуться на материк.

Осталась еще одна неделя летних каникул. Я отхожу от окна, разглаживая свой полосатый сарфан, и возвращаюсь на место, чтобы забрать вещи. Место рядом со мной свободно. Я запускаю руку под сиденье, пытаясь кое-что нашупать. Я знаю, они там, его инициалы: Р. Т. Я помню день, когда он вырезал их армейским швейцарским ножом просто потому, что ему так захотелось.

Интересно, на острове что-нибудь изменилось? В кафе «Молочное утро» до сих пор продают самые вкусные черничные маффины? В кинотеатре на главной улице все те же бугристые кресла, обтянутые зеленым бархатом? Как сильно разросся куст сирени у нас во дворе?

Странно чувствовать себя туристом: семья Зейн жила на Джар Айленде почти вечность. Мой пра-

прапрадедушка спроектировал и построил библиотеку. Мамина тетя была первой женщиной, избранной на пост главы правления Мидлбери. Наш семейный участок находится в самом центре кладбища посередине острова, и некоторые надгробия настолько состарились и заросли мхом, что и не разберешь, кто там похоронен.

Джар Айленд состоит из четырех городков: Томастауна, моего родного Мидлбери, Уайт Хэвена и Кэноби Блафса. В каждом из них своя средняя школа и всего одна старшая — Джар Айленд Хай. Летом население вырастает до нескольких тысяч отдыхающих. Но только около тысячи человек живет здесь круглый год.

Мама говорит, что Джар Айленд никогда не меняется. Это будто отдельная вселенная. Есть в острове нечто особенное, что вызывает ощущение, будто мир перестал вращаться. Но в этом весь его шарм, и поэтому так много людей любит проводить здесь лето, а местные преодолевают все сложности, чтобы жить здесь круглый год, как делала наша семья.

Отдыхающие ценят то, что на Джар Айленде нет ни одного сетевого магазина, торгового центра или ресторана быстрого питания. Отец говорит, что существует около двухсот законов и постановлений, делающих их строительство здесь невозможным. Продукты покупают на местных рынках, лекарства по рецептам получают в аптеках, которые до сих пор продают газировку, а пляжное чтиво выбирают в частных книжных лавочках.

Еще одна особенность Джар Айленда в том, что это настоящий остров. Он не соединяется с материком ни мостами, ни туннелями. Здесь есть однополосное взлетное поле, которым пользуются только богачи с частными самолетами, но в остальном все люди и вещи, оказавшиеся на острове, приплывают и упливают на этом пароме.

Я беру чемодан и следую за оставшимися пассажирами. Причал ведет прямо в гостевой центр. Снаружи припаркован старый школьный автобус 1940 года с надписью «ЭКСКУРСИИ ПО ДЖАР АЙЛЕНДУ». Сейчас его моют. Через квартал отсюда — Главная улица, яркая полоса сувенирных магазинов и кафе. Надо всем этим возвышается холм Мидлбери. Я нахожу его за секунду. Из-за солнца я прикрываю глаза рукой, но моментально вижу красную пологую крышу моего старого дома на самой вершине холма.

Мама выросла в этом доме вместе со своей сестрой, тетей Бэтт. Моя комната, окна которой выходят на море, раньше была тетиной спальней. Теперь тетя Бэтт живет в доме одна, и мне интересно, спит ли она снова в этой комнате.

Я единственная племянница тети Бэтт. Своих детей у нее нет, она не научилась сюсюкаться и всегда обращалась со мной как с взрослой. Мне это нравилось, с ней я чувствовала себя старше. Когда тетя спрашивала меня о своих картинах, об ощущениях, которые они у меня вызывают, она действительно слушала, что я говорю. Правда, она

никогда не была той тетей, с которой можно было валяться на полу, собирая пазл, или вместе печь печенье. Но мне это было и ненужно. Для этого есть мама и папа.

Иногда я думаю, что было бы здорово жить с тетей Бэтт теперь, когда я стала старше. Родители относятся ко мне как к ребенку. Идеальный пример: мне до сих пор не разрешают гулять дольше десяти вечера, хотя мне уже семнадцать лет. Правда, после всего, что случилось, я могу понять их чрезмерное стремление меня опекать.

Путь домой занимает больше времени, чем я помню. Может, из-за чемоданов. Увидев въезжающую на холм машину, я поднимаю вверх большой палец. Местные часто голосуют на Джар Айленде. Здесь это абсолютно приемлемо, просто способ помочь соседям. Мне никогда не разрешали так делать, но теперь наконец-то родители не следят за каждым моим шагом.

Ни одна из машин меня не подбирает. Обидно, но всегда есть завтра или послезавтра. В моем распоряжении все время мира, чтобы ездить автостопом и вообще делать все что душе угодно.

Я даже не замечаю, как прохожу мимо своего дома, и приходится возвращаться обратно. Кусты выросли такими большими и щетинистыми, что закрыли собой все строение, и его почти не видно с дороги. Ничего удивительного! В отличие от мамы, тетю Бэтт совершенно не интересует садоводство.

ДЖЕННИ ХАН, ШИВАН ВИВЬЕН

Я волочу чемоданы несколько последних метров и смотрю на дом, трехэтажный особняк в колониальном стиле. Крыша обложена кедровой чепрецией, к каждому окну приделаны белые ставни, двор обрамляет каменная ограда. Старое «вольво» тети Бэтт припарковано во дворе и покрыто одеялом крошечных фиолетовых цветков.

Куст сирени. Он вырос больше, чем я могла представить. И хотя много цветков уже опало, ветви все еще прогибаются под весом миллионов оставшихся. Я вдыхаю аромат так глубоко, как только могу.

Хорошо быть дома.

ЛИЛИЯ

На дворе конец августа, снова эта пора, когда до начала учебного года остается всего неделя. На пляже все еще толпы, но не такие, как четвертого июля. Я лежу на большом покрывале с Ренни и Алексом. Рив и Пи-Джей где-то неподалеку, бросают друг другу фрисби, а Эшлин и Дерек плавают в океане. Мы дружим с девятого класса. Сложно поверить, что мы наконец-то выпускники.

Солнце такое яркое, и я буквально чувствую, как цвет моего загара становится все более золотистым. Я зарываюсь глубже в песок. Мне нравится солнце. Алекс сидит рядом и щедро обмазывает плечи кремом для загара.

— Боже, Алекс! — говорит Ренни, выглядывая из-за журнала. — Носи с собой свой крем! Ты половину моего использовал. В следующий раз я просто позволю тебе заболеть раком.

— Изdevаешься? — отвечает Алекс. — Ты стащила его из моего коттеджа! Поддержи меня, Лил!

Я приподнимаюсь на локтях.

— Ты пропустил участок на плече. Ну-ка повернись.

Я сажусь у Алекса за спиной и втираю крем ему в плечо. Он оборачивается и спрашивает:

— Лилия, что у тебя за духи?

Я смеюсь.

— А что, хочешь позаимствовать?

Я люблю дразнить Алекса Линда. Это так просто!

Он тоже смеется.

— Нет, просто любопытно.

— Это секрет! — говорю я, поглаживая его спину.

Для девушки очень важно иметь собственный аромат, по которому все будут ее узнавать. Когда идешь по школьному коридору, люди должны оборачиваться и смотреть вслед. Как рефлекс Павлова. Каждый раз, чувствуя этот запах, все должны думать о тебе. Карамель и колокольчик — вот аромат Лилии.

Я снова откидываюсь на покрывало и переворачиваюсь на живот.

— Я хочу пить! — сообщаю я. — Передашь мне газировку, Линди?

Алекс наклоняется и копается в холодильнике.

— Остались только вода и пиво.

Я хмурюсь и смотрю на Рива. В одной руке у него фрисби, а в другой — моя газировка.

— Ри-ив! — кричу я. — Это была моя бутылка!

— Прости! — кричит он в ответ, хотя совсем не кажется раскаявшимся.

Он бросает тарелку по идеальной дуге, и та приземляется рядом с симпатичными девчонками, сидящими в шезлонгах. Не сомневаюсь, что именно туда он и целился.

Я смотрю на Ренни, ее глаза округлились.

Алекс встает и отряхивает шорты от песка.

— Я принесу тебе новую газировку.

— Да ладно, не надо, — говорю я, но, конечно, лукавлю: мне ужасно хочется пить.

— Ты будешь по мне скучать, когда некому станет приносить тебе напитки! — улыбается он.

Завтра Алекс, Рив и Пи-Джей уезжают на глубоководную рыбалку на целую неделю. Мы видимся почти каждый день, и будет странно провести конец лета без парней.

Я показываю Алексу язык и говорю:

— Я ни капельки не буду скучать!

Алекс подбегает к Риву, и они идут вниз по пляжу, к палатке с хот-догами.

— Спасибо, Линди! — кричу я ему вслед.

Он так добр ко мне! Я смотрю на Ренни, она ухмыляется.

— Этот парень все ради тебя сделает, Лил.

— Прекрати.

— Просто ответь: да или нет? Разве Линди не симпатичный? Только честно.

Мне даже не приходится раздумывать.

— Да, разумеется, симпатичный. Но не для меня.

Ренни вбила себе в голову, что мы с Алексом должны стать парой, и тогда они с Ривом тоже

смогут стать парой, и мы будем ходить на двойные свидания и вместе ездить куда-нибудь на выходные. Как будто родители разрешат мне уехать с парнем! Ренни может делать все что хочет, хоть хламидиоз подхватить от Рива, но мы с Алексом никогда не будем вместе. Я не отношусь к нему как к парню, а он не видит во мне девушку. Мы друзья, не больше.

Ренни укоризненно на меня смотрит, но, к счастью, решает не развивать тему. Показывает мне журнал и спрашивает:

— Может, сделать такую прическу на осенний бал? Как думаешь?

На фотографии девушка в блестящем серебристом платье, ее светлые волосы струятся по спине, как плащ.

Я смеюсь:

— Рен, осенний бал только в октябре!

— Вот именно! Осталось всего полтора месяца! — она трясет журналом у меня перед лицом. — Ну так что скажешь?

Вероятно, она права. Возможно, нам пора начать думать о платьях. Я точно не стану покупать себе наряд в одном из бутиков на острове, ведь тогда с вероятностью девяносто процентов кто-нибудь из девчонок может прийти точно в таком же. Я внимательно смотрю на фотографию.

— Очень мило! Но сомневаюсь, что там будет искусственный ветер.

Ренни щелкает пальцами.

— Да! Искусственный ветер! Отличная идея, Лил!

Я смеюсь. Если она этого хочет, она это получит. Никто никогда не отказывает Ренни Хольц.

Мы обсуждаем наряды для осеннего бала, и к нашему покрывалу подходят двое парней. Один высокий, с выбритыми висками, а второй более коренастый, с накачанными бицепсами. Оба симпатичные, но тот, что пониже, нравится мне больше. Парни явно старше нас, определенно окончили школу.

Я рада, что надела новое черное бикини, а не бело-розовое в горошек.

— Девчонки, у вас есть открывалка? — спрашивает высокий.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, но вы можете попросить в киоске.

— Сколько вам лет? — спрашивает меня коренастый.

Я вижу, что он нравится Ренни, потому что она перекидывает волосы набок и говорит:

— А с какой целью интересуетесь?

— Хочу удостовериться, что нам можно с вами разговаривать, — отвечает парень, ухмыляясь. Теперь он смотрит на нее. — По закону.

Ренни хихикает, но не как маленькая девочка, а по-взрослому, кокетливым смехом.

— Все законно. Почти. А вам сколько лет?

— Двадцать один! — говорит высокий, глядя на меня. — Мы учимся в Массачусетском университете. Приехали сюда на неделю.

Я поправляю верх бикини, чтобы не показывать ничего лишнего. Ренни недавно исполнилось восемнадцать, но мне пока семнадцать.

— Мы снимаем дом на Шор Роад, в Кэноби Блафсе. Заглядывайте как-нибудь. — Коренастый подсаживается к Ренни. — Дай мне свой номер.

— Попроси как положено, — мурлычет Ренни, вся такая сладкая, но недоступная, — и тогда я, может быть, подумаю.

Высокий парень садится рядом со мной, на край покрывала.

— Я Майк.

— Лилия, — представляюсь я.

Через его плечо я вижу, как возвращаются парни. Алекс несет мне газировку. Они смотрят на нас и, наверное, задаются вопросом, что это за ребята ошиваются вокруг их подруг. Когда дело касается неместных, наши мальчишки начинают чрезмерно нас опекать.

Алекс хмурится и говорит что-то Риву. Ренни тоже их видит и начинает хихикать еще громче, снова перекидывая волосы набок.

Высокий парень, Майк, спрашивает меня:

— Это что, ваши парни?

— Нет, — отвечаю я.

Он смотрит на меня так внимательно, что я краснею.

— Хорошо, — говорит он и улыбается мне.

У него красивые зубы.